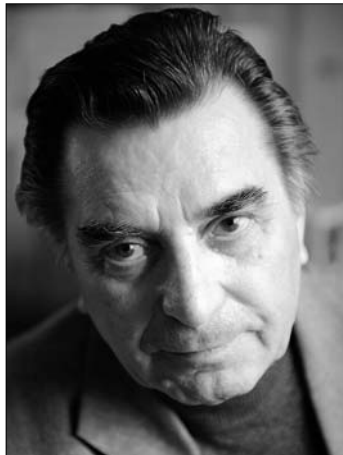

ВЯЧЕСЛАВ ЩЕПОТКИН

ВОЗЬМИТЕ РЕБЁНКА НА РУКИ

РАССКАЗ

Родство братьев Царёвых мог не заметить только слепой. Да и тот узнал бы похожесть этих мужчин по голосу. Несмотря на большую разницу в годах — пятнадцать лет, — оба говорили, как будто трубили. Старший, Николай, правда, чуть с хрипотцой, словно трубу изнутри что-то карябало. А младший, Мишка, по прозвищу среди своих Минёк, гудел ровно, зычно и зачастую усмешливо. Будто не очень верил тому, что слышал.

Ростом они были ровень: по метру восемьдесят. Лицами — вроде как круглые хлебные караваи из одной печи. Только один каравай немного передержали: стал он коричневатый, с подсохшей корочкой, из-за чего на ней образовались складки, обещающие со временем превратиться в глубокие морщины. А пока, на удивленье, у сорокасемилетнего Николая морщин на лице было мало: от крыльев широкого носа к краям полных губ, выдающих добрый характер, шли два мелких царапка, ну, и на лбу, когда Николай удивлялся, появлялась пара тонких ниточек.

А младший — Минёк, — хоть и выглядел фигурой богатыристо: длинные руки с большими кулаками, большой размер обуви, одежда крупного размера, однако на лицо был нежнее старшего. На светлом каравайнном круглом лице — чёткие, словно нарисованные, чёрные брови, под ними, как и у брата, ясные голубые глаза. Только тёмные волосы, в отличие от Николая, стриг по-молодёжному, коротко.

Хотя жили братья друг от друга не так, чтобы далеко: Николай — в центре Москвы, Минёк — в близком подмосковном городе Мытищи, который уже собирались соединить метрополитеном со столицей, встречались они, од-

ЩЕПОТКИН Вячеслав Иванович родился в 1938 году. Окончил Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова. Журналист, публицист, прозаик. Живёт и работает в Москве.

нако, не часто. В основном, по большим семейным праздникам да при поездках к отцу с матерью в воронежскую деревню.

Правда, была ещё одна okazия, которая соединяла братьев. Рыбалка. Заводилой тут чаще выступал Минёк. А организатором — Николай. Он был журналистом. Работал в солидной государственной газете. Поэтому знакомых у него было много по всей стране. Под дружелюбным напором младшего брата Николай звонил в Астрахань или в Архангельск, в Саратов или в Ярославль и договаривался о рыбалке. Минёк, который был хозяином интернет-магазина по продаже автомобильных шин, сразу бросал работу, Николай оформлял командировку, и братья отправлялись в волнительную поездку.

Уезжали на поезде, потому что неподъёмные рыбацкие рюкзаки весили для самолётов очень дорого.

А тут братанам пришлось лететь самолётом. Николая пригласил на рыбалку бывший глава большого дальневосточного региона. Сейчас этот человек заседал в парламенте России и был заметным политиком. Когда-то журналист Царёв несколько раз писал об этом регионе, хвалил, и, надо сказать, заслуженно, его руководителя, в результате чего они вроде как бы сдружились.

Взяв только спиннинги в чехлах, небольшие ящики с рыболовными причиндалами и минимум вещей — основную одежду обещали дать на месте, — братья прилетели в главный город региона. В аэропорту вместе со встречающими мужчинами сели в микроавтобус и помчали на вертолётную площадку.

Там стоял готовый к отправке вертолёт. В него уже загрузили две резиновые лодки, моторы, тёплую одежду — хотя ещё сиял золотым солнцем август, ночи в этих местах становились холодными. Николай пообнимался с несколькими мужчинами, — видимо, знали друг друга с прежних его приездов, — и выдвинул впереди себя Мишку:

— Мой брат. Михаил. Свихнутый на рыбалке.

Минёк, благодушно улыбаясь, пожал всем руки, кивнул на слова одного мужика, который подтвердил свихнутость: “Мы тоже такие!” — и отошёл в сторону.

Вертолёт стоял в чистом поле. Это было даже не поле, а кусок нетронутой степи. Тёплый ветер налетал одинокими волнами, словно какой-то огромный, невидимый вентилятор импульсами посылал сжатый воздух. Пахло остатками выхлопных газов от микроавтобуса и двух больших внедорожников, остывающим маслом из остановленного двигателя вертолёта и ещё чем-то давно позабытым, но всё ещё знакомым. Минёк раздул большие ноздри, принюхался. Повернул голову на ветер, пытаюсь поймать запах, и случайно глянул вниз: ботинок стоял на смятом кустике полыни.

— Ты чего там нашёл? — окликнул Николай брата, который наклонился, чтобы вырвать крепко сидящую в земле траву.

— Детством пахнуло. Нашей Лозиновкой. Я запах полыни, наверно, никогда не забуду. Убежим с пацанами в степь, ковыля нарвём, навтыкаем в кепку, как султаны у рыцарей, а для запаха — полынь.

Минёк, наконец, вырвал кустик, отсёк ножом древеснистые корни.

— На, понюхай, — протянул брату серую травку.

Николай раздвинул крупным носом горько-пахучие веточки.

— Да-а... Такая ж, как у нас. А ведь за тыщи километров. Пошли. Уже зовут.

* * *

В вертолёте Минёк не отрывал глаз от иллюминатора. Чем дальше летели, тем заметнее сопки переходили в горы. Вертолёт временами стал пролетать между их вершинами. Горы были покрыты ещё зелёной тайгой, а между ними во впадинах коричневели какие-то пропелшины.

— Что это такое? — прокричал Минёк в ухо сидящего рядом мужика. Тот, так же наклонившись к его уху, ответил:

— Мэри. Эвенки так называют болота. Там растут карликовые берёзы, чахлая лиственница. Вечная мерзлота летом подтаивает и добавляет воды.

Минёк покивал, но спрашивать больше не стал: в вертолёте сильно гудело, и людям приходилось кричать.

Через два часа начали снижаться и сели на каменистом берегу небольшой быстрой речки. Пока несколько человек вытаскивали вещи, накачивали лодки, примеряли сапоги, переделались и братья. Все, кто должен был плыть, надели красные спасательные жилеты.

Рыбаки распределились по лодкам: четыре человека на каждую. Минёк хотел плыть с братом, но Николай отделился в другую компанию, и младший тут же забыл своё желание. Он вертел головой в разные стороны, удивляясь тому, что видел, и радостно впитывал окружающие пейзажи. Никогда в таких местах он не был. Река прорезала кустарниково-лесистую, не очень широкую долинку между горами. Вода неслась стремительно. Не прошло и трёх-четырёх минут с того момента, когда лодка с Николаем стронулась с каменистого мелководья реки, как она исчезла за ближним поворотом.

— Пускай уйдут подальше, — сказал мужчина лет около пятидесяти, притопывая резиновыми сапогами, чтоб хорошо сидели. Был он среднего роста, в очках, в глаза бросалось большое красное пятно почти во всю правую щёку. “Ожог, что ли? — с жалостью подумал Минёк. — Досталось, видно, мужику”.

Когда его знакомили с мужчинами возле вертолёта, он, как всегда, не запомнил имена-отчества. Такая привычка была у него. При знакомстве в больших компаниях, особенно с предстоящей выпивкой, многое пропускал мимо ушей: может, этого человека он никогда больше не увидит. И только если человек его потом чем-то привлекал, Минёк ловко выспрашивал, как того зовут, чтобы запомнить надолго.

Этого мужчину двое остальных называли коротко: Филиппыч. Тот, которому Минёк кричал в вертолёте на ухо, откликался на отчество Антоныч. Был он плотный, в движениях неспешный, с крупным, мускулистым лицом, с широким прямым носом и каким-то тепло-приветливым взглядом карих глаз. Четвёртого члена добычной команды — мужчину лет сорока, весёлого, неунывающего, стриженного так, что прямые чёрные волосы завешивали сверху почти половину лба, — местные звали Сергеем. Его сразу усадили на корму лодки, где был подвесной мотор.

Река, в основном, была мелкая, но бурная. И непредсказуемая. Сначала лодку несло в середине тугого потока. От берега до берега было метров по десять. Прямо к воде подходили, на воду клонились, а то и лежали дрожащими вершинами в воде разные деревья. Бросать блёсны надо было осторожно: зацеп за ветки согнутого к воде дерева — и моторист Сергей, чтобы спасти блесну неосторожного спиннингиста, должен мгновенно извернуть уносимую лодку носом против течения, резко прибавить газу, а потом держать резиновое судно на месте, пока веслом или другим удилицем не снимут болтающуюся на ветке блесну. Помня об этом, бросали с опаской.

Но проплыли с полкилометра по извивам реки, и узкий поток на глазах расширился, превращаясь в плавно текущий, зеркальный плёс. Тут уж все четверо изгалялись, как хотели. Бросали блёсны и вдоль плёса, и поперёк, и в отгороженную согнутой от течения травой заводинку, и к дальнему камню, выступающему из струйных завихрений, как лысая голова какого-то водяного.

— Мы куда вообще-то плывём? — прогудел Минёк, повернувшись к Филиппычу.

— На базу.

— Какую базу?

— Эта речка... — начал Филиппыч и вдруг дёрнул спиннинг. — Вот зараза! Думал, поклёвка... зацеп... Эта речка будет ещё километров двадцать и почти под прямым углом впадает в большую реку. На её противоположном берегу — база геологов. Это их вертолёт.

— А что тут есть? — спросил Минёк. — Рыба какая?

В ответ заговорили сразу все трое.

— Ленóк! — выкрикнул моторист Сергей.

— Таймень, — с уважением сказал Филиппыч.

— Да, таймень, — подтвердил Сергей, переводя мотор с холостого хода на движение. — Мы неделю назад летали здесь на вертолёте — видели сверху таймешка. Вода прозрачная — стекло. Метра полтора был парень.

— Метра полтора таймень? — взволнованно переспросил Минёк. Сердце у него заколотилось, он задышал учащённо. — Разве такие бывают?

— Бывают, — спокойно подтвердил Антоныч. — По тридцать и даже по сорок килограмм бывают.

В первое мгновение Минёк усомнился. Сколько он наслушался в рыбацких поездках таких рассказов! То метровых сазанов люди ловят, то окуни размером с сапог. Да как уверяют! Глаза навькате, в грудь колотят, не поверишь — обещают не знать тебя больше никогда. Но из придирчивого расспроса выяснится, что сазана такого какой-то мужик много лет назад выловил, да и был ли в реальности этот рыбак, не говоря о сазане. И окуней сам никто не видел, только рассказывали.

Хотя почему не поверить в таких тайменей? Минёк лично в астраханском омуте, по-тамошнему, в “котле”, поймал сома в два метра восемнадцать сантиметров. Привезли на верёвке на базу, положили на траву, Минёк лёг рядом. Его рост был известен. От головы начали мерить спичечными коробками. А скажи он сейчас об этом, могут не поверить.

— На что же такой слон ловится? — спросил он, думая о таймене.

— На блесну. На “мышку”... Искусственную, — сказал Антоныч, прищипывая спиннинг на дно лодки, потому что плёс они всё быстрее проплывали и близко впереди уже пенился и шумел порог.

Каменистая выпученность дна перегораживала две трети реки. Поток воды, упираясь в порог, клокотал, нёсся через камни, взбивал пену, бело-жёлтые хлопья которой кружились, сталкивались, уносились вправо, где образовывался небольшой водоворот, и уже спокойней колыхались там.

— Сергей! Забирай влево! — крикнул Филиппыч, тоже убирая спиннинг. — К прижиму держись!

Минёк сегодня уже не раз слышал это слово — “прижим”. Поначалу не разобрал, что означает. Но, по натуре сообразительный, вскоре понял и удивился точности русского языка. Река петляла, делала крутые повороты и, поворачивая, мощно прижималась к одному из берегов. Здесь она сильнее всего размывала берег, обрушивала ели, берёзы, лиственницы. Корни деревьев ещё держались в скальном грунте, но вершины уже нависали над самой водой, а часто и доставали ветвями потока. Такие места Сергей и Филиппыч называли “расчёсками”. Их надо было обходить так же осторожно, как и пороги.

Стояла середина августа. Перед тем пару дней поморосил дождик. Однако сейчас весь мир блистал, как умытый. На чисто-голубом небе отставшими от стада маленькими барашками курчавились белые облачка. Солнечные блики сверкали в переливах воды, свет их доставал до недалёкого дна, и шевелимые придонными струями камешки казались драгоценными.

Тем не менее, здесь последний месяц лета был не такой, как в Центральной России. Жары не было даже в середине дня. Тепло чувствовалось, когда река поворачивала чуть ли не в обратную сторону и лесистый берег загоразживал лодку от свежего ветра. Тогда мужчины в лодке распахивали камуфляжные куртки, снимали панамы и бейсболки, подставляли лица солнцу.

Судя по времени, прошли уже половину пути. Странное дело, но никто ничего ещё не поймал. Работали спиннингами и на плёсах, и перед порогами, и даже на некоторых ямах.

Заметив впереди устье какого-то ручья, впадающего в речку, Минёк решил, что здесь может стоять рыба. Ручей несёт всякую живность, рыбе есть, чем кормиться. Он ещё издалека бросил к устью блесну и стал её подтягивать. Блесна была самая любимая. Он хорошо ловил на неё и в дельте Волги, и в архангельских речках.

Минёк успел сделать несколько оборотов катушки, как вдруг леску сильно дёрнуло, и там, в глубине реки, кто-то мощно засопровтивлялся.

— Есть, мужики! — воскликнул он, привставая в лодке.

— Сядь! Опрокинемся, — быстро сказал Сергей и, улыбаясь, добавил: — Закон природы: новичкам везёт.

Минёк недолго выводил рыбу. Подвёл к лодке, ловким рывком выдернул её из воды, устался на прыгающего, скользкого красавца. Спина у него была тёмная, а бока — в чёрных пятнышках.

— Хороший ленок! — одобрил Филиппыч. — Килá на три потянет.

— Как форель, — удивился Минёк, вспомнив рыбалку в Абхазии. — Только больше в несколько раз.

— Его и называют: дальневосточная форель, — сказал Антоныч. — Теперь за нами дело.

И только он это сказал, как спиннинг у него согнуло дугой. Через мгновение вскрикнул Филиппыч, наматывая леску на катушку:

— Есть голубчик! Сидит!

Сергей немедленно выключил мотор и тоже стал бросать блесну. Каждый из рыбаков поймал по два крупных ленка. Но Антоныч всех обошёл: взял трёх.

* * *

Лодку с неработающим мотором несло по быстрой реке. Оставались позади усыпанные камнями отмели, глядя на которые Минёк с сожалением качал головой. Вот где пропадают миллионы тонн добра! Начав по примеру Николая строить в подмосковной деревне дом, Минёк сильно потратился на материалы для фундамента. В том числе, на щебёнку. А тут вон её сколько! И почему природа так нерационально распределяет свои богатства, думал он, не забывая вместе со всеми облавливать несущую их речку.

Время уже нагнулось к вечеру. Солнце то било в глаза, то, при очередном повороте реки, высвечивало противоположный берег, оставляя в холодной тени тот, вдоль которого они плыли. Сергей, похоже, был умелый рулевой. Он находил нужную струю, чтобы с наименьшими царапаньями пересечь кипящий порог, заранее уводил лодку от каменистой косы, на безопасном расстоянии проносился мимо нагромождения торчащих из воды мёртво-белёсых деревьев. Все они были без коры — её ободрали весенние ледоходы — и напоминали какие-то гигантские кости, выпростанные в разные стороны.

Вдруг мощный поток стал прижимать лодку к берегу, с которого низко к воде наклонились ели и лиственницы. Некоторые ветки полоскались в течении.

— “Расчёска”, Сергей! — криком предупредил рулевого Филиппыч.

— Вижу! А-а, чёрт! Несёт! Пригнитесь!

Минёк без всякого беспокойства выполнил команду, согнувшись ниже борта лодки. Для него это было привычно и даже интересно. В астраханских плавнях он с разными егерями нередко проходил на моторках по таким низким камышовым тоннелям, что приходилось почти ложиться на дно. Минёк мысленно увидел те камыши, как вдруг что-то выбросило его из лодки, тело мгновенно охватила пронзительно холодная вода, и ноги коснулись дна. Он оттолкнулся, вынырнул с выпученными глазами, силноул попавшую в рот воду и в тот же миг почувствовал, что кто-то схватил его за ляжку спасательного жилета. Это был Антоныч. Одной рукой он держал Мишку, другой — Филиппыча, который ногами был в лодке, а руками барахтался в воде, словно отбивался от неё. И Минёк, и Филиппыч орали во весь голос, отчаянно матерились, кричали друг другу и Антонычу, спрашивая того, что случилось. Но побледневший Антоныч ничего не говорил и только глядел на корму лодки. Там несколько секунд назад сидел Сергей. Теперь его не было. Зато, буд-то задев за что-то, взревнул мотор.

— Серёга! Где Серёга? — выкрикнул, наконец, Антоныч, чувствуя, как обрывается сердце. Он с ужасом представил, что рулевой попал под винт мотора и мёртвое тело его несёт по дну течение.

Всё произошло стремительно, никто опомниться не успел, только крик Филиппыча и рёв лужёной глотки Минькá разносились над водоворотной рекой.

Филиппыч первым упал назад в лодку, дотянулся до рукоятки мотора и выключил его. Следом, колотя ногами по воде, перевалился в лодку Минёк. И тут сзади из воды показалась мокрая голова Сергея. Лицо его было перекошено испуганно застывшей улыбкой, мокрые волосы прилипли ко лбу, но широко раскрытые глаза смотрели с удивлением. Все радостно загомонили, начали материть неудачного рулевого, но не зло, а весело, с грубоватыми шутками. Здоровый, крепкий Антоныч подал ему руку, сзади за мокрую куртку схватил Сергея Минёк, и так вдвоём они втащили рулевого в лодку.

— Эт чо было? — опомнившись, спросил Минёк.

— Чо-чо... Лодка наехала на ветки, — сказал Антоныч. — Если б была дальше от берега, проскользнула бы под ними, а тут наехала, поднялась боком... Хорошо, совсем не перевернулась.

— Но и этого достаточно, — сказал Сергей, оглядывая дно лодки. — Ружьё утонуло.

— Ружьё? — ахнул Филиппыч. — Такое ружьё!

— Подарок. Авиаторы когда-то подарили.

— Запомни место, — сказал Антоныч. — Вода прозрачная. Можно найти.

— А мою боевую панаму уже не найти, — грустно заметил Минёк. — Пльвёт куда-нибудь. Сколько лет я в ней на рыбалках... на охотах...

— Не переживай, Миша, — успокоил Антоныч. — Найдём мы тебе панаму. Начнёшь в ней новую историю.

— А где мешок? — воскликнул Филиппыч. — Рыба где?

Всех ленков, кроме одного, который забился под сиденье, рыбаки сложили в мешок. Мешка тоже не было.

— Хорошо — сами живые, — проговорил Антоныч.

Он оглядел экипаж деловым, оценивающим взглядом. “Как будто начальник”, — подумал Минёк и тут же услышал его решительный голос:

— Давайте вон к той косе. Вам надо хоть выжать одежду. Может, до темноты попадём на базу.

На каменистой отмели вылили из сапог воду, выжали куртки, штаны и рубахи. Только собрались тронуться, пришлось опять возвращаться на косу. Филиппыч начал сталкивать лодку с мели и ухнул по пояс в невидимую яму.

Наконец, уже без всякой рыбалки помчали по реке. Вечер быстро густил сумерки в бережных зарослях. Воздух остывал, кажется, с каждой минутой. Сидеть в мокрой одежде было так холодно, что Минёк не мог удерживать дрожь. Антоныч заметил это:

— Прячься, Миша, за меня.

Он был широк в кости не меньше Царёва, но, чтобы получше загородить Мишку от холодного воздуха, распахнул куртку.

— Н-не ус-пе-ем мы на б-базу, — стуча зубами, сказал Минёк и дрожливо засмеялся: он никогда не замерзал так, как в этот раз.

Река впереди и по бокам ещё различалась, но лес на берегах уже сливался в тёмную стену. Минёк открыл свой рыбацкий ящичек — он не упал в воду только потому, что был закреплён под сиденьем, и достал фонарь. Дрожа от холода, стал обшаривать лучом то один, то другой берег.

— Н-надо к-куда-то прис-ставать, м-мужики. Антоныч, к-как считаешь?

— Да. Тем более, речка вон разбивается на рукава. По какому идти?

— Зачем приставать? — отбил предложение Филиппыч. — Пойдёмте влево.

— А ты знаешь, куда он приведёт? — ехидно спросил Сергей. — Может, в старицу. И там застрянем.

— В-вот, в-вроде х-хороший б-берег, — сообщил Минёк, водя лучом фонаря по небольшому каменистому возвышению слева. В этом месте лес уходил от воды. “Значит, будет ветерок, — подумал Минёк. — Если есть комар, отгонит”.

— Поворачивай, Серёга! — приказал Антоныч. Лодка ткнулась в берег, все быстро выскочили и вытянули лодку подальше от воды. Для надёжности Сергей ещё привязал её за ближайший куст.

Минёк с Антонычем немало прошли по берегу и увидели небольшую впадину. В одной стороне её хаотично громоздились сухие деревья, когда-то принесённые половодьем.

— П-порядок! Б-будет к-кос-стёр. У-у, п-падла, к-как х-холод-дно!

— А спички у кого есть? — спросил Сергей. Все промолчали.

— Что со мной произошло — не пойму, — осуждающе сказал Филиппыч. — На каждую рыбалку, на каждую охоту — всегда! — припечатал он интонацией последнее слово, — беру два комплекта запасного белья, спичек, всего, что потребуется в случае беды. А в этот раз выскочили из вертолётки, быстро накачали лодку, понесли... Как огонь добывать? Трением, что ль?

— У меня зажигалка есть, — спокойно сказал Антоныч.

— О-о! Молодец! Да здравствуют курильщики! — закричали дрожащие от холода мужчины.

* * *

Костёр разожгли быстро. Все были опытные и все, кроме Антоныча, мокрые. Ему тоже было холодно, но он давал место сушиться остальным. Возле костра устроили треноги, на них развесили, кто что. Минёк разделся до трусов. Камуфляжные штаны и куртка сохли тяжко. От толстой рубахи шёл пар.

С разных сторон костра понавтыкали рогатые ветки, на них где повесили, где приткнули сапоги. Минёк и Сергей носки сушили прямо на ногах, протянув к огню лапы. Филиппыч пристроил на палке. Когда в очередной раз ходили ломать дрова, учуяли дым. Филиппыч остался без одного носка. Сгорел.

— Возьми, — сказал Антоныч, снимая носок с ноги. — На мне по две пары.

Постепенно все стали обсыхать, но от костра не удалялись. Влажный холод наступал с реки, туманная стылость ползла от недалёкой залесенной горы.

— Эх, поесть бы сейчас, — задумчиво протянул Сергей. Оказалось, и остальные думали о том же. Последний раз ели в вертолётке часов девять назад.

— Давайте ленка, что ль, зажарим, — предложил Филиппыч.

Он сходил с Мишкиным фонариком к лодке, разделал на берегу рыбу. Сергей в это время при свете костра настрогал палочек вроде шампуров. Без соли, без хлеба съели по четвертинке плохо прожаренного ленка, и голод вроде отошёл.

Днём Антоныч сказал, что тайменя ловят ночью на искусственную мышь.

— Она плывёт поверху, и он её хватает. Его не зря называют тигром пресных вод. Он не только мышь, ондатру проглотит. Про утят, крупную рыбу говорить нечего.

Мыши у Минька не было. Зато Николай подарил ему поппер — деревянную рыбку, которую спиннингом ведут по поверхности воды, и она издаёт булькающие звуки. Минёк взял фонарь, пошёл к лодке, где оставался спиннинг и ящик со снастями. Огляделся и понял, что ничего не получится. Реку было слышно, но не видно. Он пошёл по берегу вдаль от костра, подсвечивая себе путь. И вдруг, пронзённый страхом, остановился. Филиппыч и Сергей, когда плыли, рассказывали, что в этих местах много медведей. Жизнь у них раздольная. Если не считать базы из двух домиков, куда они должны были приплыть, ближайший посёлок в ста двадцати километрах. Река сильно шумит. Не только медведя, мотор не услышишь. Минёк быстро повернул и скорой рысью рванул к костру.

Стылая ночь заставляла всех жаться к огню. Лежать на мелких камнях было холодно. Сходили к ближайшей ели, наломали лапника. Каждый сделал

себе лежанку. Только Антоныч пристроился по-другому. Он среди корней одного из принесённых половодьем деревьев соорудил что-то вроде кресла. Со стоном приоткинулся и замер.

— Спины, что ль? — спросил Минёк.

— Спины, спина. На стройке ударил.

— По пьянке?

— Да нет, по трезвости. Город восстанавливали после потопа. Бросился помогать бригадиру, ударился позвоночником.

“Прораб, наверно, — подумал Минёк. — Но серьёзный. Интересно, а кто остальные?”

Сергей всё больше у него выходил на авиатора. Ружьё подарили авиаторы. С вертолётчиками был вась-вась. А вот кто Филиппыч, никак не мог сообразить. Поворачиваясь возле костра то спиной к огню, то передом, Филиппыч что-то сказал Серёге про уголь. И добавил: “Пришлось с углём расстаться”. Потом они заговорили про каких-то известных им людей, заспорили, как лучше вести себя с ними.

— Нельзя быть для всех белым и пушистым, — сказал Филиппыч. — Разорвут на воротники. Надо иногда жалить.

— Что ж ты не жалил, когда отнимали уголь?

— Там миллиарды были, как бронезилет.

“Наверно, в шахте работал”, — подумал Минёк и сердито встрял в разговор:

— Откуда они, падлы, миллиарды взяли? Вчера ходили в штанах с пузырями на коленках — других не было, а через год — олигархи.

— Наворовали. Ельцин помог, — сказал Филиппыч. — Ему надо не памятки делать, а проклятию предать. Какую страну развалили с этой меченой башкой — Горбачёвым.

— Не дадут, — сказал Сергей. — У власти те, кто наворовал и кого Ельцин из безвестности вытащил.

— Да, — согласился Филиппыч и без всякого перехода заявил:

— Эх, зря мы сюда приткнулись! Сейчас бы уже ели-спали на базе. По сто грамм на каждый зуб приняли. А то вот лежим — зуб на зуб не попадает.

— И куда бы ты поплыл?

— Куда... Влево!

— Если и плыть, то вправо надо было! — крикливо не согласился Серёга.

— Хватит вам, — раздался строгий голос Антоныча. — Тоже мне, Колумбы. Дождёмся утра, а там вертолёт полетит нас искать.

Но ждать нужно было ещё долго. Ночь подбиралась только к середине. Никто не рассчитывал ночевать на реке, поэтому оделись в расчёте на дневное тепло. А холод доносила и близкая шумная река, и остывшие тысячи камней по берегу, и даже обрызганное звёздной сыпью небо.

— Вот приеду домой, сыну расскажу — интересно ему будет, — сказал Минёк.

— Ты сначала приедь, — посоветовал Филиппыч. — Только небыллицы не рассказывай. Дети отцам всегда верят. Даже если не знай чего наплетёшь.

— Это точно, — с усмешкой подал голос из своего “кресла” Антоныч. — Как-то отец оказался днём дома — вообще он в это время дома редко бывал: работа суровая. Сел почитать книжку. Маманя увидела, говорит: “Хоть бы когда детьми занялся, — а мы с братом здесь же сидим. — Не видят отца”. Он неохотно откладывает книжку. “Вот я вам сейчас случай расскажу. Идём мы под водой, вдруг лодка остановилась...”

— Отец, что — моряк был? — спросил Минёк.

— Моряк. Подводник. Да... “Остановилась лодка — ни взад, ни вперёд. Я, говорит отец, команду: “Полный вперёд!” — а она стоит. В чём дело? Гляжу в иллюминатор, а там осьминог. Обхватил лодку и держит”. Маманя ему: “Какой осьминог? Какой иллюминатор у подводной лодки? Чего ты детям говоришь? А они тебе верят”.

Все засмеялись, начали рассказывать разные байки про детей. Потом сходили за дровами — костру нельзя было дать потухнуть. Постепенно то

один, то другой стали затихать. Глубоко уснуть не получалось: холод не давал. Дремали.

Через какое-то время Минёк почувствовал, что хочет пить: сказывалась съеденная рыба. Он пошёл к реке, несколько раз зачерпнул ладонью воды, напился. Оглядел реку. Теперь она просматривалась до середины. “Утро, что ли?” — подумал Минёк, различая образуемые течением водовороты. Возвращаясь к костру, понял, в чём дело. Над горой поднялась луна. Она была неполной, обрезанной справа, но настолько яркой, что звёзды в той части неба стали совсем не видны.

— Вот так, что случись — и не знай, где помощь искать, — проговорил он, примащиваясь на своей лежанке из словых веток. — Если только у медведей. Они самые ближние здесь ребята. Хорошо, хоть вертолёт есть.

— А полетит ли он? — высказал сомнение Сергей. — Подумают, что мы специально остались, чтоб ночью половить.

— Да, будут сидеть там полдня, — с тревогой сказал Филиппыч. — Поплыли бы влево — не пришлось бы ждать вертолёт.

— Опять ты: влево! — воскликнул Сергей. — Я недавно тут летал. Вправо надо! Вправо! Хотя, что без толку говорить. Не полетят они с утра. Надо к этому готовиться.

— Интересно, вы бы так поступили? — спросил Антоныч.

— Не-ет! — дружно взревели оба спорщика.

— Тогда почему ж о них плохо думаете? Не оставят нас. Рассветёт — и полетят.

Пригревшись у огня, Минёк начал снова волнами уходить в дремоту. Но разгоревшийся костёр сильно пёк жаром лицо. Минёк повернулся к огню спиной и вскоре уснул. Проснулся от голосов Сергея и Филиппыча. Они хоть негромко, но всё же возбуждённо опять заспорили, по какому рукаву надо было плыть.

— Мужики, дали бы поспать.

— Какой спать! Уже светает. Скоро надо за берёзой сходить. Для дыма. Чтоб вертолёт увидел.

* * *

Вертолёт прилетел, когда ещё не взошло солнце. В восточной стороне небо сначала стало сиренево-розовым, потом снизу в эти цвета добавили ярко алого, и тут измученные трудной ночью мужчины услышали приближающийся гул. Из вертолёта выпрыгнули два молодых парня — они должны были перегнать лодку к базе, — а четверо робинзонов забрались в машину.

На базе им искренне обрадовались: чего только за ночь не передумали! Стали выспрашивать подробности, но Антоныч рыкнул насчёт еды, и уже за столом, пропустив по несколько стопок водки, разомлевшая четвёрка рассказала, как было дело.

Те, кто шли на первой лодке, оказались добычливее. Для них река была нетронутой. Поймали по три-четыре ленка. Но всех обошёл Николай Царёв: он взял пять штук.

После завтрака экипажи обеих лодок собрались ловить на этой, более крупной реке. Но начавшийся мелкий, как через сито просеянный дождик вскоре загустел, полил беспросветно, да ещё с налётами ветра. Возвращаться в главный город региона собирались вечером, однако, глядя из-под навеса, где завтракали, на серую дождевую пелену, решили не терять зря время.

К удивлению Царёвых, в столичном городе не только дождя, даже облаков не было. Светило солнце и было тепло.

— Как на другой земле, — сказал Минёк, оглядывая площадку, где приземлился вертолёт. Он твёрдо решил набрать полныни, чтобы отвезти домой в Мытищи.

— В горах погода капризней, — объяснил Антоныч и предложил старшему Царёву:

— Николай Сергеич! Вы ведь у нас давно не были. Не хотите посмотреть город? И Михаилу интересно будет. Он ведь у нас первый раз.

— Согласен, Владислав Антоныч.

Они доехали на машине до какой-то площади и вышли.

— Здесь у нас начинается пешеходная зона. Воссоздали старину. Так и назвали: Старый город.

“Ну, точно: прораб, — подумал Минёк, шагая рядом с братом и оглядывая интересные деревянные строения, про которые рассказывал Антоныч. — Хотя, может, и начальник строительства. Знает все дома”.

Улица, действительно, была необычной. Вместо асфальта её вымостили деревянными чурками. В разных местах стояли фонари, какие Минёк видел в фильмах о XIX веке. На скамейках — тоже под старину — сидели люди. По площади, которая начиналась впереди, гуляли женщины с детьми.

Вдруг одна молодая женщина подхватила ребёнка и быстро пошла наперерез Царёвым и Антонычу. Минёк, ни слова не говоря, бросился ей навстречу. Он уже протянул руки, чтобы выхватить ребёнка, которого женщина держала на руках, как в тот же миг услышал крик брата:

— Стой, Мишка! Остановись!

Минёк встал, как прилип к мостовой.

— Вернись!

— Владислав Антоныч! — громко сказала женщина. — Возьмите, пожалуйста, ребёнка на руки! Мы сфотографируемся на память. Он вырастет, будет знать, кто его держал на руках.

Минёк, ничего не понимая, смотрел то на Антоныча, то на брата. Антоныч широко улыбнулся, взял ребёнка — это оказался мальчик, — позвал женщину, чтобы встала рядом.

— Николай Сергеич! Сфотографируйте нас!

Увидев эту картину, стали подходить другие родители. Все просили: возьмите ребёнка на руки. Минёк стал догадываться, что Антоныч, наверно, не просто прораб. И даже не начальник строительства. Люди радостно улыбались, с большим почтением глядели на него.

— Он кто такой? — негромко спросил Минёк брата.

— Кто нас пригласил. Бывший руководитель региона.

— Что ж ты раньше не сказал? Я бы сейчас устроил здесь заварушку. Ты же знаешь: наше прошлое с нами остаётся навсегда.

— Знаю. Поэтому с испугу заорал.

— А почему охраны нет?

— Да он и раньше, когда был главой, ходил везде без охраны. Я сам это видел. На машине с шофёром едет и, как все, стоит на красном.

Когда желающих фотографироваться больше не стало, братья и хозяин пошли к машине. И тут Минёк опять был поражён. Они стояли на тротуаре, пропуская поток автомобилей. И почти каждая машина вовсе сигналила, приветствуя бывшего главу региона. А из открытых окон люди махали руками.

“Ну и ну, — с удивлением думал Минёк. — Какой здесь Антоныч популярный”.

Он теперь даже не знал, как называть своего недавнего спасителя, вóвремя схватившего его на реке за ляжку жилета: Владислав Антоныч, как Николай, или просто Антоныч, как звал в течение рыбацких суток.

От этих размышлений его отвлёк Антоныч.

— Миша, ты зачем побежал к первой женщине? Хотел помочь донести ребёнка?

— Донёс бы он, — сказал старший брат. — Минёк во время первой чеченской воевал в спецназе ВДВ, а потом работал телохранителем одного деятеля. Насмотрелся на приёмы террористов.

— Любимое дело: использовать куклу под ребёнка, — стеснительно проговорил Минёк. — Бросают в руки — нельзя ведь, чтоб на землю упал, и тут человека или взрывают, или расстреливают.

— Да, страшное зло породилось. Теперь, я думаю, надолго. Николай Сергеич, мы можем вас завести в гостиницу — самолёт рано утром, отдохните.

А я хочу съездить в Духовную семинарию. Из Москвы прилетел ненамного раньше вас, не успел побывать.

Он помолчал и, сдерживая волнение, сказал:

— Детище моё. Начиная с идеи... Шестнадцать храмов открыли. Большинство каменные... Красивые... Газовиков напрягал... Нефтяников... Филиппыча подключал... Теперь своих священников начали готовить. А если не хотите в гостиницу, давайте со мной: посмотрите.

— Поехали, Миш?

— Давай, — согласился Минёк. — Выспаться и в самолёте успеем.

Они подъехали к ансамблю красивых зданий, образующих ломаный ромб. Вход и въезд во двор был под высокой надвратной церковью. “Загородить этот проём и можно держать оборону”, — по давней привычке воевавшего десантника, подумал Минёк. Как только группа подошла к арке, ударил колокол. Вслед за ним зазвонили другие колокола. Звон был громкий, торжественный и какой-то радостный. А во дворе уже выстроилась группа рослых семинаристов. Едва смолкли колокола, начался благодарственный молебен. Высокие парни в чёрных одеяниях произносили речитативом слова, большинство которых Минёк абсолютно не понимал. Разбирал только “Владислав Антонович” и “Многая лета!” Но и этого было достаточно, чтобы уразуметь: Церковь благодарит его нового знакомого Антоныча за какие-то большие дела и желает ему многих лет жизни.

Потрясён был и Николай Царёв. Он встречал разных властителей. Ещё застал застёгнутых на все пуговицы советских. Спорил с расхристанными демократическими. Видел их перерождение в божков. Узнал сегодняшних, главная цель которых — услужить вышестоящим, а не народу. Вертикаль власти стала вертикалью чинопочитания. Многие, получив власть, сразу становились высокомерны, заносчивы, о народе говорили только с трибун, избегая встреч с ним лицом к лицу. Тех, кто не брезговал стоять в одной очереди с простыми людьми, Николай Царёв мог пересчитать по пальцам одной руки. Им народ платил большим уважением.

Но такого почитания Николай не видел нигде. Оно было стихийным и оттого правдивым, как сама жизнь. Женщины с детьми... Поток сигналящих машин...

Теперь вот встреча колокольным звоном и заздравным молебном. Моложавый для своего сана архиепископ, широколицый, в тонких очках, рассказывал почётному гостю и его спутникам о семинарии, заводил в комнаты для занятий и отдыха, которые язык не поворачивался назвать кельями, а Николай Царёв всё не мог выбросить из сознания картины последних часов. “Наверно, есть и те, кто не любит его, — думал он. — Может, даже ненавидит. Нельзя быть любимым для всех. Христа — и то не все любят. А тут — человек из власти. Тем более бывший. Таких особенно часто клянут. Но, видимо, всякое злое слово легче перенести, когда к тебе протягивают ребёнка, чтобы с ним сфотографировался, приветственно сигналят из машин или желают “многая лета”.